

Вряд ли кто будет спорить с тем, что Юрий Назанов — классик русского рассказа. Его «Артур — гончий пес», «Трали-вали», «Адам и Ева», «Плачу и рыдаю» давно украсили многие хрестоматии советской прозы. Но мало кто знает, как непросто писателю было пробить эти рассказы в печать.

Впрочем, поначалу все в литературной судьбе Назанова складывалось вроде бы неплохо. Он успешно занимался в Литинституте в семинаре Николая Замошкина. Журнал «Молодая гвардия» в 1956 году напечатал три его рассказа: «На полустанке», «Некрасивая» и «Странник». В редакции «Знамени» ему дали творческую командировку на побережье Белого моря. Ну а в феврале 1957 года он получил путевку в Дом творчества на Рижское взморье, в Дубулты.

В Дубултах Назанов познакомился с Константином Паустовским.

«Читал он мои вещи, — сообщил Назанов из Дубултов 19 марта 1957 года своему приятелю по Литинституту Сергею Баруздину, который на тот момент учебу совмещал с работой в Московской писательской организации, — ему понравилось до того, что он взялся рекомендовать 2 рассказа в “Лит. Москву” Назаневичу (“Некрасивую” и “Дым”). Авось пойдут, хотя я сильно сомневаюсь» (РГАЛИ, ф. 2855, оп. 1, д. 242, л. 3).

Назанов опасался, что его рассказы могли вызвать неприятие у Назаневича. Но мнение Назаневича очень скоро перестало иметь какое-либо значение. Первые два выпуска альманаха «Литературная Москва» вызвали страшное неудовольствие в Кремле. Редакция альманаха претерпела изменения. А потом власть и вовсе отказалась от издания третьего номера.

В Дубултах Назанов узнал о своих грядущих публикациях в Москве.

«Дела мои в Москве пока хороши, — похвастался он Баруздину, — хоть тоже с уверенностью нельзя ругаться, — идут два рассказа: один

в "Знамени" в № 4 ("Дом под ручей". — *В. О.*), другой в "Октябре" — тоже примерно в весеннем номере ("Голубое и зеленое", он вышел в шестом номере. — *В. О.*). Кожевников из "Знамени" просил у меня рассказы в № 6 (он у них будет состоять сплошь из рассказов), и я обещал, а теперь, конечно, накусь — ничего ведь не сделано» (РГАЛИ, ф. 2855, оп. 1, д. 242, л. 3).

К слову: в Дубултах Назанов не сидел сложа руки. Он обдумывал свою первую книгу.

«Будет листов 7–8, — признался он Баруздину. — Если дело пойдет, т. е. если его примут, я думаю, потом можно будут добавить еще?» (РГАЛИ, ф. 2855, оп. 1, д. 242, л. 3).

По возвращении из Дубултов в Москву Назанов вернулся к своему рассказу «Артур — гончий пес». Первый его вариант он написал еще в 1955 году, дав ему название «Гомер». Рассказ тогда строился вокруг отношения слепой охотничьей собаки и его хозяйки — студентки консерватории. Но потом Назанов все переделал, изменив даже название.

«"Артура", — сообщил он потом своему литинститутскому преподавателю Николаю Замошину, — Вы знаете, это новый вариант "Гомера", я его почистил, выбросил девочку с роялем и изменил композицию».

По совету Баруздина Назанов предложил «Артура» альманаху «Голубятня» (там ответственным секретарем числился хороший знакомый Баруздина — Архангельский, он потом тоже перешел в аппарат Союза писателей). Но в альманахе к молодому автору отнеслись весьма прохладно.

«Был я сегодня у Архангельского, — сообщил Назанов 7 мая 1957 года Сергею Баруздину, — и он ошарашил меня двумя вещами. Во-первых, он сказал, что пантеизм — вещь вредная. Я ему возразил, что Пришвин был пантеичен. На что он мне ответил, что Пришвина справедливо не читают и он пылится на полке. После этого я некоторое время тупо сидел на стуле и что-то хрюкал, а Архангельский, не дав мне опомниться, заявил, что двое из редколлегии "Голубятни" против "Артура". Потом он уже от себя заявил, что рассказ сырой, что там 30 раз повторяется слово "бог" и что я вообще социально опасный элемент. Что у меня какие-то завихрения и что мне нужно почитать Томаса Манна (что-то у него о собаках). Потом он перечислил членов редколлегии — семерых, из чего я заключил, что если меня не убили первые двое, то добьют остальные. Я, правда, сделал анархический вид и сказал, что мне плевать, что я могу этот рассказ в другом месте напечатать, что у меня его всюду с руками оторвут. Но это я говорил уже в невменяемом состоянии, т. е. мне, конечно, далеко не плевать, когда мне начинают высказывать такие штуки. После чего я ушел» (РГАЛИ, ф. 2855, оп. 1, д. 242, лл. 6, 6 об.).

После этого Назанов постучался в недавно созданный журнал «Москва». Первый прием обнадежил.

«"Артура", — рассказал он 20 мая 1957 года Баруздину, — я сунул в "Москву", читал уже Георгий Березно (член редколлегии журнала «Москва», отвечавший тогда за отдел прозы. — *В. О.*), ему очень понравился, хочет печатать, как остальные посмотрят — не знаю» (РГАЛИ, ф. 2855, оп. 1, д. 242, л. 9 об.).

Как потом выяснилось, другие члены редколлегии журнала тоже были не против. «Артур» вышел в восьмом номере «Москвы» за 1957 год. Правда, редакторы без ведома Назанова в рассказе кое-что сократили. Писатель был возмущен.

«Уважаемый товарищ Атаров! — написал он 13 сентября 1957 года главреду журнала. — В №8 журнала опубликован мой рассказ, в котором вырезан абзац, очень важный в смысле придания рассказу определенной тональности. (В абзаце речь шла о цыганах.)

Я протестовал против выбрасывания этого абзаца, т. е. ничего криминального в нем не находил и не нахожу до сих пор. Однако редакция сочла возможным изъять абзац помимо воли автора, что вообще несправедливо, и сделала это очень неуслужливо, выбросив весь абзац и оставив начало его. Вот как выглядит это в журнале:

“Странные люди цыгане! Ранней весной они трогаются в путь.

Другие говорили, что он...” — т. е. вышла явная бессмыслица, которую читатель, не зная о сокращении, с полным правом припишет мне.

Хотелось бы, чтобы люди, занятые в редакции сокращением и исправлением материалов, с большей ответственностью относились к своей работе» (РГАЛИ, ф. 2931, оп. 1, д. 6, л. 24).

Сам Назанов в те дни был на подъеме. У него появилось много замыслов. Только успевай все реализовывать.

Правда, не всё из новых вещей Назанова устроило Баруздина, который уже тогда на многое смотрел не как художник, а как литфункционер, во всем искавший прежде всего идейность. Баруздина, в частности, огорчил рассказ Назанова «Дым». Он искренне не понимал, зачем приятель обратился к теме смерти.

«Теперь о “Дыме”. Ты, конечно, не прав, но “ругань” твоя меня ничуть не обидела. Она есть результат тех разных позиций, с которых мы с тобой смотрим на задачи искусства. Конечно, я за оптимизм в искусстве, и пишу вовсе не сплошь мрачные вещи. Но я считаю, что людям иногда полезно напомнить о быстротечности жизни. Напомнить не затем, чтоб заставить их зарыдать и опустить голову на грудь, нет, но затем, чтобы лишний раз оглянулись они на прожитое, а также заглянули и в будущее. И еще я считаю, что из литературы нашей совсем напрасно и несколько, я бы сказал, насильственно ушла тема смерти. Человек смертен, а живет часто безалаберно, бездарно... И ей-богу, ему стоит иногда напомнить о смерти, спросить: а так ли ты живешь, а не пропускаешь ли ты в своей ленивой жизни великих мгновений, а ценишь ли ты жизнь?

И ты знаешь, конечно, какую встряску давали обществу произведения вроде “Смерти Ивана Ильича” Толстого или “Худой Травы” Дунина. Так вот я, не претендуя, конечно, на большое, захотел немножко толкнуть читателя, заставить его хоть чуть задуматься.

Далее в критике своей ты упустил два важных момента. Первый: Петр Николаевич никакой не нытик. Ехал на охоту он с радостью, ехал счастливый. Даже и на охоте он счастлив — неужели этого не видно? — но счастлив он грустным счастьем. И потом это все минутное... А подобные минуты бывают у всех, наверное. И второе: ты как-то выпустил Алешу из поля зрения. Между тем это фигура важная, неопровержимо доказывающая, что жизнь продолжается, что молодость, вечная молодость человечества сохраняется.

Таковы мои, м. б., слабые доводы в пользу рассказа» (РГАЛИ, ф. 2855, оп. 1, д. 242, л. 13).

В этом же письме Назанов поделился своими планами.

«А вот послушай, что я сейчас пишу! Жил-был человек. С самого детства он страшно любил птиц и зверей. И все мечтал, как станет лесничим, как будет работать в заповеднике. Но ему не везло в этом

смысле и он всю жизнь занимался неинтересной ему работой. Наконец, годам к пятидесяти, большой, он получает долгожданное назначение в заповедник. Но дорогой, простудившись, умирает в стороне старика-объездчика. И перед смертью узнает, что в лесу дичь вся давно выбита и вообще ничего нет. Похоронили его на скучном песчаном кладбище. На кресте старик написал карандашом: "Под сим камнем покоится прах р. б. Василия Иванова. Преставился от роду 48 лет. На прах мой всяк взирай, се мой гроб пред тобой, час смертный вспоминай, то ж последует с тобой". Через месяц могила осела и крест с почти смывшейся уже надписью повалился.

Не знаю, когда кончу и кончу ли вообще, но работаю с увлечением. Вот и все. Уезжаю в Пицунду, к морю, отдохну, самоуглублюсь и, м. б., начну писать стихи. Ужасно хочется!» (РГАЛИ, ф. 2855, оп. 1, д. 242, л. 13).

В другом письме Назанов рассказал о своем погружении в библиотечный мир.

«Вчера, — сообщил он Баруздину в сентябре 1957 года, — я сидел и рылся в Евангелии — книга это великая и весьма подходит к нашему времени. Но это так, между прочим. Рылся же я в нем потому, что один из героев рассказа, над которым я сейчас корплю, рассуждает от Евангелия, бичует современность и сладостно расписывает прошлое. Рассказ что-то у меня усложняется очень, и никак я не сведу концы с концами: переделываю его уж в третий раз. И вот сидел я сидел над ним, вдруг заложил новый лист бумаги, начал: "От Вазинцев до Золотицы — тридцать верст", и пошел, и пошел... И за два часа накатал прелестный рассказ о любви несовершеннолетней Маньки. Называется: "Дикая". Теперь я его переписываю и блаженствую. Пишу и думаю, куда бы мне его отдать? И в "Знамя" хочется, и в "Огонек"...» (РГАЛИ, ф. 2855, оп. 1, д. 242, л. 15).

Тут из Архангельска подросла первая книжечка Назанова — с историей про медведя «Тэдди». А Баруздин только-только закончил маленький рассказ про слоненка «Рави». И тут два приятеля чуть не поругались.

Назанов дал понять, что Баруздин пошел не совсем по тому пути, и в пример привел себя. Он написал приятелю:

«Не сердись, а главное, не обращай внимания на мое противопоставление Рави — Тэдди. Им я совсем не хотел сказать, что я очень честный, а ты нет, или что я лучше знаю зверей. Думаю, что ты их знаешь не хуже, поскольку пишешь о них, и хорошо пишешь. Просто я попутно еще раз вернулся к Тэдди и к мысли, заключенной в нем, и захотел сравнить, чья же дорога верней, а сравнив, все-таки стою на том, что моя, потому что зверь всегда зверь и на свободе несравненно интересней (и для человека), несравненно более "сам", чем в клетке. Смотреть на зверя в клетке интересно. Но если бы ребенна, который восхищается слонем в зоопарке, привести в джунгли и показать слонов на свободе, то восторг его от этого зрелища был бы во сто крат сильнее восторга зоопарковского. Итан, долой зоопарки и цирки, а детей водить и сами ходить мы будем в лес!» (РГАЛИ, ф. 2855, оп. 1, д. 242, л. 17 об.).

В это время произошла очередная пересменка в редакции «Октября». В журнал вернулся Федор Панферов. А у Назанова в «Октябре» уже лежала подборка рассказов.

«В "Октябре", — сообщил писатель 26 сентября 1957 года Баруздину, — нажется, идут 1 или 2 моих рассказа. "Нажется", потому что это решила редколлегия, вернее, три ее члена, а редактор еще не читал, и неизвестно,

как он посмотрит на это дело. Это мне Падерин сказал» (РГАЛИ, ф. 2855, оп. 1, д. 242, л. 15 об.).

Дальше Баруздин устраивает своему приятелю вызов в Ленинград на Всероссийский семинар молодых прозаиков. Правда, от Назанова потребовали в короткие сроки предоставить рукопись. Назанов задумался.

«Но что мне дать на совещание, — написал он 3 октября 1957 года Баруздину, — да притом немедленно, как указано в уведомлении? Новых вещей готовых у меня нет. Старые вещи не так интересно давать, т. н. я достаточно наслышан об их достоинствах, а если обнаружат в них недостатки, то я, точно так же, как и ты, их исправлять не стану. Пуцай так остается. Для истории.

Впрочем, у меня есть достаточно свежий рассказ — “Лешан”, еще не очень зачитанный. Еще я хотел бы взять “Некрасивую”. К ней у меня особая слабость, как к женщине, которой не повезло ни в жизни, ни в литературе. Ну еще есть у меня два почти готовых рассказа, кот. тоже, по-видимому, недурны. Но они еще не готовы, а кончу их я, вероятно, только в Малеевке, куда надеюсь отправиться в скором будущем, а ведь рассказы нужны сейчас — так сказано в уведомлении. Что делать?» (РГАЛИ, ф. 2855, оп. 1, д. 242, л. 19).

В Ленинграде Назанова ждал триумф. Его расхвалила Вера Панова. Но главное — он нашел в Ленинграде единомышленников среди сверстников (я имею в виду Виктора Конецного и Глеба Горышина).

Только вот с издателями дело осложнилось.

«В “Сов. пис.”, — признался Назанов Баруздину, — у меня из рук вон плохо. Договора не заключают, редактор в панике и предлагает изменить все концы. Концов менять я не хочу и потихоньку приучаю себя к мысли, что мне скоро придется забрать рукопись обратно. Все мои рассказы редактора “смушают”. Очень тяжело. Как я и думал, статья в “Комсомолке” сделала свое дело: редактор мой теперь специально с великим испугом перечитывает “Дым”» (РГАЛИ, ф. 2855, оп. 1, д. 242, л. 19).

После ленинградского семинара до Назанова наконец дошли руки и у Федора Панферова, но тут всю обедню чуть не испортил молодой партийный критик Валерий Дементьев. Тот всячески пытался закрепить в Москве (уж очень ему не хотелось возвращаться в Вологду). Чтобы выслужиться перед начальством, он стал везде и всюду выискивать крамолу и, в частности, обрушился на Назанова — за пристрастие к эмигранту Ивану Бунину).

Пыл Дементьева попробовал остудить Замошнин. 10 января 1958 года на редколлегии «Октября», которая обсуждала рукопись статьи Валерия Дементьева о литературных итогах минувшего года, он заметил молодому партийному критику:

«Назанов — вообще талантлив, и загонять его в тупик не следует» (РГАЛИ, ф. 619, оп. 4, д. 19, л. 17).

Неожиданно разговор подхватил главный редактор «Октября» Панферов. Он дал указание Дементьеву:

«Вы, Валерий Васильевич, выясните увлечение Назанова Буниным. Побеседуйте с ним, а также и с остальными молодыми писателями. Назанов — талант, но что он делает со своим талантом? Бунину подражает. Мастерству пусть подражает, а по содержанию нужно отходить от Бунина, и Назанову нужно указать, куда же ему уходить.

(Тов. Андреев: Может, нам провести беседу с молодыми писателями о творчестве Назанова со вступительным словом Н.И. Замошкина?)

Недавно я перечитал много рассказов Назанова, и налет вот этой бунинщины чувствуется в большинстве из них» (РГАЛИ, ф. 619, оп. 4, д. 19, л. 17).

При этом Панферов ясно всем дал понять, что отказываться от сотрудничества с Назановым не стоит. Более того, он вскоре подписал молодому автору командировку на Белое море.

В какой-то момент Назанов вернулся к сотрудничеству с журналом «Знамя», где ему раньше покровительствовала сотрудница отдела прозы Софья Разумовская. Но там появился новый влиятельный член редколлегии Евгений Сурнов (не путать с поэтом и тогдашним главным начальником Союза писателей Алексеем Сурновым). А тот усмотрел у Назанова страшную крамолу. С каким негодованием он отверг рассказ писателя «Осенняя весна»!

«Все действие, — отметил Сурнов в своем отзыве 24 апреля 1958 года, — строится вокруг эротических взаимоотношений четырнадцатилетней девочки и здорового парня-рыбака. Рассказ болезненный, бесчеловечный, темный по колориту» (РГАЛИ, ф. 618, оп. 17, д. 113, л. 61).

Потом Назанова бортанули и в «Новом мире». И кто? Сам Твардовский. Тот разругал и «Некрасивую», и «Лешана», и «Дым».

«Автор явно талантлив, — признал Твардовский, и тут он заметил: "...но по молодости притворяется пожившим, усталым, познавшим будто бы "тщету всего земного", горечь и безнадежность утрат, неизменность "вечного круговорота" — юность — старость и т. п. Все эти настроения и мотивы в готовом виде взяты из литературы, более всего от Бунина...»

Назанова, конечно, такой несправедливый отзыв обидел. Но ему важнее тогда было не в «Новом мире» щегольнуть. Он хотел получить наконец нормальную московскую книгу. Все-таки человек перешагнул уже 30-летний рубеж. Однако в издательстве «Советский писатель» с Назановым готовы обсуждать планы лишь на 1960 год. Оставалось издательство «Советская Россия». Но Назанов не был уверен, что там его знали.

По старой памяти Назанов обратился к Баруздину, который успел получить большой пост в Оргкомитете Союза писателей России. Он попросил у давнего приятеля содействия не только в издательстве «Советская Россия», но и в только что созданной писательской газете «Литература и жизнь».

«Не сердись, друг мой, — написал Назанов 22 июля 1958 года Баруздину, — но я скоро пришлю тебе рассказ для "Литературы и жизни". Сам туда я все же не пойду, а пришлю тебе. И ты смотри на это не как на "курьерство" (как ты изволил однажды выразиться, к моему удивлению), а как на нормальное литературное явление. Когда я стану членом какой-нибудь редколлегии, я обязательно буду рекомендовать редакции вещи, стоящие напечатания, и, м. б., также и твои, т. н. я очень помню все твои добрые дела для меня и мне обидно, что пока я не могу тебе отплатить чем-нибудь тоже хорошим в этом смысле. Так что уж все равно пришлю тебе рассказ — будь спокоен» (РГАЛИ, ф. 2855, оп. 1, д. 242, л. 29).

Но Назанова почти везде ждал облом. Вновь все застопорилось в «Советском писателе».

«Книга в "Сов. писателе", — пожаловался он 20 августа 1958 года Паустовскому, — еще не пошла в набор. <...> Я туда и показываться боюсь, снажут: ага, вас нам и надо, вот тут у вас рассказ подозрительный, не исправите ли... Ну их!»

С периодикой тоже возникли проблемы.

«Ну, очень уж туго приходится, — продолжил Назанов планаться Паустовскому, — шутна ли, сами посудите, за последние дни только получил нотацию от Панферова, рецензию с выговором от Твардовского, что, мол, и конетничая я, и захвален, и влияние стариков чувствуется, и т. п. Кроме того, еще в "Литературе и жизни" отказали двум рассказам, Зубавин в "«Нашем» современнике" тоже отказал, С. Баруздин всё меня бить собирается — поневоле зачряхтишь».

Спасением для Назанова стала очередная поездка от журнала «Октябрь» на Белое море. По возвращении с Севера он направил в отдел внутренней жизни газеты «Литература и жизнь» заявку:

«Месяц я пробыл на Белом море у рыбаков-поморов с командировкой от журн<ала> "Октябрь".

Помимо рассказов, которые я должен буду представить "Октябрю", мною собран интересный фактический материал о природе, быте и экономике Севера.

Я мог бы написать очерк-статью и представить его редакции "Литературы и жизни", если редакцию заинтересует эта тема. Вернусь в Москву в начале ноября. Если Вы согласны напечатать мой очерк и известите меня об этом телеграммой, я привезу в Москву и сдам Вам уже готовый материал.

С приветом,

Ю. Назанов

Пицунда, 8 окт. 58 г.

Адрес мой: Абхазская АССР, Пицунда, до востребования» (РГАЛИ, ф. 1572, оп. 1, д. 14, л. 37).

На письме Юрия Назанова сохранилась помета: «В архив. Автору дать телеграмму». Что это означало? Согласие? Но тогда почему в газете северные очерки Назанова так и не появились? Может, редакции что-то не понравилось?

Уточню: впервые «Литература и жизнь» дала слово Назанову лишь летом 1959 года, напечатав в номере за 10 июня его небольшую статью «Северный волшебник слова» о Степане Писахове.

В конце 1958 года Назанов вспомнил про журнал «Москва». Он предложил туда рассказ «Ни стуну, ни грюну». Но у редакции возникли замечания идейного плана.

«Хорошо написанный рассказ талантливого писателя, — отметил 7 января 1959 года в своем отзыве Лев Овалов. — Я бы печатал его; с точки зрения языка его почти не надо править, но с точки зрения содержания и социального звучания рассказ еще нужно "доводить" до печати...

Если будет принято принципиальное решение о публикации рассказа, я взялся бы поработать с автором, чтобы приготовить рассказ к печати» (РГАЛИ, ф. 2931, оп. 1, д. 30, л. 120).

Свои замечания высказал и Георгий Березно. Тот в своем заключении написал:

«Хорошо написанный, но очень традиционный по манере, по "истории" рассказ. Плох в нем студент Саша, совершенно традиционная, литературно штампованная фигура (напомнило Л. Андреева, напомнило Нуприна). Я в общем за рассказ, но надо обязательно освободить его от натурализма и в рассказах Сереги, и в сцене драки» (РГАЛИ, ф. 2931, оп. 1, д. 30, л. 120).

Подчеркну: к 1959 году уже все в литературном мире понимали, что Назанов — большой талант. Но каждая литературная группировка хотела,

чтобы писатель примкнул именно к ней. За Назановым была устроена самая настоящая охота. Он оказался нужен как либералам, так и охранителям. Ему готовы были дать огромные авансы, с одной стороны, Константин Паустовский, а с другой — Леонид Соболев. Но при этом каждая из группировок требовала от писателя, чтобы он окончательно определился и полностью отмежевался от оппонентов.

Особенно обострилась борьба за Назанова в канун третьего съезда советских писателей. Паустовский публично назвал Назанова одной из надежд советской литературы. А Соболев заявил, что Назанову с его острой наблюдательностью и стремлением к раздумью надо встать на ясный путь, а не писать о странниках, пытающихся на ночевках испортить девушку.

В этот спор потом вмешалась третья сила в лице главного редактора «Октября» Федора Панферова. Забыв про прежние претензии, эта сила задумалась над тем, а не позвать ли Назанова под свои знамена.

В конце мая 1959 года Назанов сообщил Паустовскому:

«Недавно написал я рассказ “Трали-вали” про бакенщина на Оке и вообще про Русь и русский характер, а больше всего про себя. Отнес я его в “Октябрь”, Панферов отказал, т. е. нашел ущербность. А после выступления Соболева Панферов вдруг разозлился, попросил снова этот рассказ и хочет в № 7 или 8 (уже сдал в набор). Я прямо боюсь думать об этом, шутка ли, два года не печатался в журнале».

Панферов не обманул. Он действительно включил рассказ Назанова в седьмой номер. После выхода этого номера писатель уточнил Паустовскому, что вообще-то рассказ в первой редакции назывался по-другому: «Отщепенец». Но Панферов сознательно все смягчил.

«Только, — написал он Паустовскому, — называется он не “Отщепенец” (это Панферов выдумал) — каной он отщепенец! — а “Трали-вали”».

Поздравляя Назанова с несомненной удачей, Конечный предупредил друга, что надо ждать волну бешенства от врагов.

«Ведь по этому рассказу, — заявил 2 августа 1959 года Конечный, — опять пальба пойдет из всех пушек и пулеметов. И Панферову тоже достанется».

Назанов все это и сам прекрасно понимал.

«И мне, — сообщил он в благодарность Панферову, — очень хочется принести Вам еще что-нибудь настоящее, хорошее, чтобы Вам понравилось, чтобы еще и еще оправдать Ваше доброе внимание ко мне».

Вскоре Назанов передал Панферову несколько новых вещей, в частности, рассказ «Запах хлеба». Первая реакция того была следующей: надо ставить в номер. Но, поостыв, редактор все переиграл.

«В числе двух других он (рассказ “Запах хлеба”. — *B. A.*), — написал Назанов 28 марта 1960 года Паустовскому, — должен был пойти в “Октябре”, но Панферов со свойственной ему странностью вдруг переменял мнение и отказал».

Скоро пришла скорбная весть о кончине Панферова. У Назанова оставались перед «Октябрем» обязательства по командировкам на Белое море. Но новый редактор журнала Всеволод Ночетов не горел желанием что-либо отобрать у Назанова. Они оказались очень разными. Если Назанов искал в слове мелодию, то для Ночетова слово означало прежде всего штык.

В Назанове Ночетов почувствовал ревизиониста. А с такими ему было не по пути. Не поэтому ли Назанов вынужден был свой северный дневник передать Вадиму Ножевинову в «Знамя»?!

В «Знамя» Назанов отнес в начале 1962 года и два других рассказа: «Адам и Ева» и «Нам становится противно». Но заместитель Ножевникова Людмила Снорино предъявила автору двенадцать замечаний.

«...Если я их все исполню, — сообщил в марте 1962 года Назанов Виктору Нонецкому, — то получается статья на тему, как стать вегетарианцем, и кастратом, и импотентом. А этого я не хочу...»

Забрав из «Знамени» эти рассказы, Назанов решил испытать во второй раз счастье в «Новом мире». Но там ничего путного не получилось.

«И не знаю, — пожаловался писатель Нонецкому, — сколько там насморкал и наплевал Твардовский, когда их читал».

Следующим изданием, которому Назанов предложил «Адама и Еву», стала редакция «Москвы». А там тоже оказалось не все так просто. Все вроде и признавали мастерство писателя, но каждый так и норовил что-то подредантить и что-то убрать.

В архиве сохранились четыре отзыва на рассказ. Один отзыв представил секретарь партнома Московской писательской организации Арнадий Васильев. В прошлом он был ченистом, а в литературе выехал в основном за счет историко-революционной темы. Все в редакции ждали от него негодования. Но бывший ченист сделал вид, что никакой крамолы у Назанова не заметил.

«Рассказ Ю. Назанова “Адам и Ева”, — написал Васильев, — надо принять и напечатать. Хорошо бы посоветовать автору в конце, после слов “злбно ему было и пусто...” еще несколько слов. Может быть, ему (Адаму) и <нрзб> чего-то. Он же не совсем пропадает» (РГАЛИ, ф. 2931, оп. 1, д. 55, л. 145).

Хоть и с оговорками, но в целом принял рассказ Назанова старый служака Лев Ницулин, имевший подходы к главным партийным идеологам.

«Рассказ Ю. Назанова, конечно, можно печатать, — заметил он 9 мая 1962 года, — хотя герой личность довольно противная и талант его как-то мало виден, таким (еще большим самолюбием) обладают и бездарности. Есть нечто по сюжету, близкое к “Попрыгунье” Чехова — художник, его дама, пароход и житие “на этюдах”, а по ритму, особенно в начале и пейзаж, есть Бунин. Но это уже неразрывно с Назановым» (РГАЛИ, ф. 2931, оп. 1, д. 55, л. 146).

Сомнения возникли у многолетнего литфункционера Бориса Евгенова. Приведу и его отзыв.

«Рассказ отлично написан, — крепкий, мускулистый рассказ. И просто язык не поворачивается сказать “нет” при решении вопроса о его напечатании. Хорошая и настоящая литература должна печататься.

Но не могу не поразмышлять. Что за странный, “жестокый” талант у этого одаренного человека! Почему он с таким пристальным вниманием коллекционирует людей противных, тяжелых, несчастных, опустошенных душевно? Агеев в рассказе неприятен до крайности, но достаточно ли ясно отношение к нему — осуждение его — со стороны автора? И потом мы не уверены в том, что этот самый Агеев действительно талантлив. Нет ощущения его талантливости. А может быть, этого и не надо?»

И еще: при всем своем блесне название рассказа “Адам и Ева” в данном контексте звучит как-то не так. Адам, занятый своими “большими” делами и мыслями, и суетная Ева. В этом есть что-то очень далекое от взаимоотношений современных мужчины и женщины.

Вот я и встал в позу тех критиков из рассказа, которые "пьют коньяк, едят цыплят табака и думают не о высоком, а о том, как бы поспать с девочками"...

О рассказе стоило бы поговорить на редколлегии» (РГАЛИ, ф. 2931, оп. 1, д. 55, л. 144).

Еще резче против «Адама и Евы» высказался сталинский лауреат Елизар Мальцев.

«Уважаемые друзья! — сообщил он редакции "Москвы". — Вы просили высказать мнение о рассказе Ю. Назанова "Адам и Ева".

Всё, что пишет Ю. Назанов, — почти всегда интересно и ярко живописно. Он тонкий и наблюдательный художник, и рассказы его полны воздуха, настроения, в них много самобытных наблюдений и деталей. Часто его рассказы бывают спорными и резкими по колориту, по неясности авторской позиции, иногда граничащей с объективизмом бунинского бесстрастия.

Рассказ, который предложен сейчас нашему вниманию, не вызвал у меня интереса. Мне кажется, что он не удался автору, несмотря на явное живописное мастерство. Мне он представляется рассказом беспредметным, лишенным глубокого содержания, ясной мысли. Думается, что автору пока нечего сказать ни о художниках, ни об искусстве и всех сложных проблемах, связанных со всеми его трудностями и поисками. Он пишет об этом понаслышке, поэтому мы ничего не узнаем о жизни его героя художника, кроме того, что он беспробудно пьет и недоволен критиками, которые обвиняют его в пристрастии к модернизму. А что привело его к такому слякотному существованию, что он думает о жизни, окружающей его, каковы его требования к искусству, к чему он сам стремится — все это остается неизвестным. Могут сказать, что автор написал этот рассказ, чтобы развенчать подобный образ жизни, но рассказ не дает оснований думать так в силу бесстрастного отношения автора к своему герою. Рассказ пока ничем не наполнен и печатать его в таком виде не следует. Он не вызовет ничего, кроме некоторого шума, который не принесет ничего ни автору, ни редакции. Но чтобы Ю. Назанов не думал, что этот рассказ не хотят печатать потому, что в нем много правды, то ему необходимо объяснить, что правды тут вообще никакой нет, и если он берется писать на тему искусства и жизни, то должен основательно к этому подготовиться. Здесь пустячками и одним настроением не отделаешься!» (РГАЛИ, ф. 2931, оп. 1, д. 55, лл. 143, 143 об.).

Назанов, по-видимому, об этих баталиях ничего не знал. Он уже но многому успел привыкнуть. И если б «Москва» отвергла «Адама и Еву», для него никакой трагедии бы не произошло. Скорей всего, он потом отдал бы эту вещь в другое издание. Где-нибудь, не сейчас, позже, но все равно бы напечатали. В этом писатель, похоже, не сомневался.

Удручало Назанова другое. Сильно изменился его давний приятель Баруздин. Вместе с другими литгенералами бывший однокурсник включился в осуждение новых веяний в литературной жизни страны.

Назанов хотел, пока не поздно, предостеречь товарища от ошибок. 23 мая 1962 года он написал Баруздину:

«Здравствуй, Сережа!

Только что получил твое письмо — я ведь теперь обитаю в Тарусе, работаю, чтобы потом, летом, снова с чистой душой поехать, не мучась угрызениями совести, что нужно писать и т. п. Т. н. ты теперь скоро будешь

дома (судя по письму), то и пишу я тебе домой, а не в Малеевну, ну а если продолжишь, то, м. б., кто-нибудь тебе это письмо подбросит.

Не скрою, меня удивило мнение твое о моих рассказах. Извини, но я тоже буду говорить откровенно. Даже не знаю, с чего начать. Начну, пожалуй, с правления СП РСФСР, одним из руководителей коего ты являешься. На мой взгляд, СП РСФСР проводит вредную линию, как литературную, так и партийную. Дело в том, что природа не терпит пустоты: журналы продолжают выходить, издательства продолжают выпускать свои сотни листов в год. И если линия СП РСФСР состоит в том, “чтобы изгнать из журнальных и издательских планов всех тех, коих вы называете “скандальными”, “снобами” и пр. и пр. — то, естественно, на их место приходит плотный поток нескандальных, т. е., попросту говоря, серых писателей.

Я уверен, что когда-нибудь, и, возможно, скоро, весь СП РСФСР получит по заслугам за его антилитературную деятельность. Прости, но всевозможные “форумы”, “правления на колесах” и т. п. — это так пошло и так не нужно настоящей литературе! Эта шумиха вокруг районных графоманов, это сюсюканье, заигрыванье с “народом”, эти гнусные выступления ЛИЖИ так уж всем надоели, что когда-нибудь терпение лопнет.

Неужели не ясно, что так называемой литературы вообще никогда не было, нет и не будет! Если мы говорим “русская” или “советская” литература, то мы всегда имеем в виду определенный ряд писателей. Потому что литературу составляют, к счастью, не всякие игреки и иксы, а Толстые, Маяковские, Шолоховы, Паустовские, Бабели.

Политика умаления и злобствования по отношению к столичным писателям и выдвижения назло (кому?) каких-то районных, областных сил — ни к чему не приводит. По-прежнему самая интересная проза печатается в “Новом мире” и в “Знамени”. “Новый мир” и “Знамя” дали нам за прошлый и этот год Липатова, Войновича, Конечного, Владимова, Эренбурга, Ренемчуна, Паустовского и т. д. И “Юность” тоже!

А что дал Ночетов, придя в “Октябрь”? И что дали “Подъем”, “Дон”, “Сибирские огни”, “Москва”, т. е. журналы СП РСФСР? Выездные сессии? Смешно, друг мой!

Итак, с одной стороны, всяческое отрицание таких поэтов, как Евтушенко, Вознесенский, Окуджава, прозаиков, как Назанов, Ансенов, Гладиллин, и, с другой, стороны продвижение на их место — ного? Даже и не упомнишь. А ведь продвигать не надо. Талантливый писатель будет сразу замечен, и это все басни, что у нас на периферии таятся-де золотые самородки. Не так-то уж обильна талантами наша литература (молодая), чтобы не замечать нового таланта. И, право, не было случая, чтобы критика проморгала талант — независимо от того, разругала она его или расхвалила. Но таланты всегда на виду, всегда заметны. М. Соколов в своей речи на форуме ратовал за то, чтобы побольше принимали в Союз. Что, мол, в Москве принимают каких-то стервецов даже без книг, а, мол, там, на Дону или где-то есть писатели, выпустившие по три книги и не принятые. Какие это такие писатели, он не сказал, и я не знаю, и ты не знаешь, и дай бог их не знать. Плохие это писатели, написавшие три книги и не узанные никем. Это те самые писатели, о которых Хрущев говорил, что надо себя булавкой подкалывать, чтобы прочесть, не заснуть.

Ты пишешь о моих рассказах бог знает что! Что они и мрачны, что и жить не хочется, прочтя их. Откуда ты взял? Вот рассказ “В тумане”. Рассказ о внезапном счастье. Рассказ, где герой говорит: “Ах, как хороша

ночь, и до чего здорово жить!” — Где же тут мрачность? Или рассказ “По дороге” — герой тоскует по Сибири, по ее красоте и в конце концов уезжает туда. Ну, где здесь мран? А “Поморна”? Старуха дождала до 90 лет, не хнычет, не скулит, работает, сыновей народила, внуки и правнуки плавают по всем морям, и смерти относится спонойно. Дай бог любому, как говорится!

И в других расказах — в каждом есть живая струя, они ведь конфликтны, а конфликт не может не быть между злом и злом, между тьмой и тьмой, конфликт всегда между добром и злом, между светом и тьмой. Так вот все замечают зло, тьму, и никто не хочет видеть света и добра, рассеянного в моих расказах. Мне обидно, мне горько — но знаешь, кто сейчас по-настоящему понимает мои рассказы? Как ни странно — Запад! Как ни странно, наиболее интересные статьи читал я в переводе с немецкого, итальянского, французского... И статьи не злобствующих фашистов, а прогрессивных писателей. А фашисты пишут обо мне иначе. Они пишут, что правы наши критики, которые меня ругают за мрачность, пессимизм, безысходность и пр., ибо, мол, такова жизнь, а Назанов сейчас самый честный писатель России и не может показывать жизнь светлой, потому что жизнь у них там, т. е. у нас — темна! Вот что пишут фашисты. И между прочим, не об одном Назанове, а о многих, на все лады ругаемых и поносимых у нас. Вот еще что значит неверная оценка творчества деятелями СП РСФСР. Это хлеб для фашистов. Это приманка и реклама, только наши глупые выкрики в адрес того или иного писателя позволяют выпускать книгу Назанова, например, в ФРГ под таким лозунгом: “Самый безыдейный советский рассказчик!” Врут они, сволочи, я не безыдейный, я идейный и у меня добрые идеи. А вот, видимо, кому-то охота представить меня безыдейным — представить меня таким мрачным унылым гундосым идиотом!

Вот вред, который приносит политика СП РСФСР. Наное бы злое дело ни произошло в литературе, всегда корни его таятся в СП РСФСР. Стукача Эльсберга исключили из Союза — а защищал его РСФСР, звонил по поводу Эльсберга и просил не подымать шума Сартанов.

Вот так-то, милый мой.

Твоей вещи в “Онтябре” я не читал, и не помню, чтоб ты мне говорил о ней. Это ты кому-то еще говорил. А книжки твои я прочел. Насчет этого дела надо поговорить. Но не в письме. Я тут как раз занимаюсь тем, что выписываю одного типа, частнособственника и т. д., меня это как раз занимает, и у меня по этому поводу есть всякие соображения. Кроме того, наглядно очень все это здесь, в Тарусе, где я живу сейчас. Вот как-нибудь увидимся, только основательно, тогда поговорим.

Спасибо тебе за письмо. Я все-таки; хоть и не согласен с твоими литературными взглядами, помню очень хорошо твою ко мне отношение. Особенно в начале моего писательства, когда мы еще оба учились в институте. И вот это письмо напомнило мне многое и растрогало меня. Хоть я и позлился, конечно, на твою оценку моих вещей.

А дневник — это мы с Норинцом ездили. Он пил, как собака, и меня спаивал, и я там, на севере, большей частью был пьяный, но кое-что все-таки успевал запоминать и записывать, и потом сам удивился, как это у меня что-то вышло, уж очень наш Юрочка тяжелый человек, с ним опасно ездить.

С квартирой у меня ничего не вышло. Тут нам дали дом, я съездил, поглядел — такая отрава, что я и отказался. М. б., когда-нибудь лучше

дадут. Очень все это надоело, бездомность, Тарусы всякие, Голицыны и прочие места, в них живу я не по своей охоте.

Ну, будь здоров! Привет Люсе. О чем пишешь? Будет охота, напиши мне сюда, в Тарусу, а то и приезжай» (РГАЛИ, ф. 2955, оп. 1, д. 242, лл. 32, 32 об.).

Но Баруздин уже сделал свой выбор. Карьера для него оказалась важнее литературы.

А вот редактор «Москвы» Евгений Поповкин, которому в письме Назанова тоже сильно досталось, еще терзался сомнениями. Совсем впасть в крайности и оназаться гнобителем ему не хотелось. После некоторых раздумий он взял да и заслал «Адама и Еву» Назанова в восьмой номер, хотя понимал, что ортодонсы этого ему не простят.

Вскоре после выхода номера «Москвы» с рассказом Назанова собрался пленум Московской писательской организации, который был полностью посвящен молодым талантам. Назанов стал одной из самых обсуждаемых на нем персон. И больше всего народ спорил, конечно же, об «Адаме и Еве».

К слову: прямо перед самым пленумом Назанов отнес в «Знамя» новые свои вещи. Но на сей раз там к нему отнеслись сдержанно. В частности, редакцию не устроил его рассказ «Проклятый Север».

«Над рассказом, — заключил 14 сентября 1962 года в своем отзыве заведомо прозы В. Уваров, — по-моему, следует поработать, — написан он сочно. Если автор объяснит причину возникновения тоски своих героев и поуберёт, хотя бы малость, ненужные грубости, получится хорошая вещь. Написан рассказ очень талантливо» (РГАЛИ, ф. 618, оп. 17, д. 321, л. 58).

Более резко высказался один из начальников «Знамени» В. Натков.

«Рассказ Ю. Назанова, — отметил он, — талантливо изобличает бытующую еще в нашей жизни пошлость. Домин Чехова написан отлично. К сожалению, сам герой рассказа, от имени которого ведется повествование, не свободен от этого зла. Жизненная позиция его не ясна. Чего он добивается? Что его в жизни не устраивает? Все это не ясно. Откровенно говоря, не знаю, что делать с этим рассказом. Печатать его в таком виде нельзя, и отказываться жалко, особенно от первой его половины» (РГАЛИ, ф. 618, оп. 17, д. 321, л. 58).

Но Назанов ничего переделывать в угоду редакторам не стал. Он потом отдал этот рассказ вместе с другими вещами в «Москву», найдя там понимание даже у главного редактора Евгения Поповкина.

20 февраля 1964 года Поповкин, выступая с отчетом на секретариате Союза писателей России, пояснил свою позицию.

«Мы его (Назанова. — *В. О.*) печатали с боями против самого автора. Целый ряд новых рассказов, которые лежат у нас в портфеле, заставили нас, целую группу писателей, актив и вместе с авторами поработать над ними. Нам очень хочется, чтобы Юрий Назанов кое-что еще понял, он сложный писатель в смысле нашего видения» (РГАЛИ, ф. 2931, оп. 2, д. 44 лл. 283–284).

Уточню: рассказы Назанова появились в «Москве» летом 1964 года.

Вот только власть по-прежнему относилась к Назанову с огромной настороженностью. Она продолжала в нем видеть социально опасный элемент.